

государственные структуры Китая и гоминьдановские общественно-политические организации: спецслужбы, органы пропаганды, фракцию Си-Си, «Общество возрождения», молодежное движение и профсоюзы. Они составили костяк и Центральной армии ГМД, подчинявшейся непосредственно Чан Кайши (С. 319–328, 338–339).

Таким образом, следует согласиться с главным выводом автора: «Чан Кайши в известном смысле оказался лучшим в гоминьдановском руководстве учеником советских советников, сумевшим творчески применить их уроки военного и государственного строительства. При всей изощренности в интриге и тяге к власти Чан Кайши показал себя искренним борцом за осуществление стратегических целей Сунь Ятсена... Именно Чан Кайши и его сторонники

выражали интересы национального Центра. Способы выживания общественно-политических организаций, вырабатывавшиеся в эпоху милитаризма, вкупе с предложенной Гоминьданом национальной идеей, организационно-партийным багажом русского большевизма, материально-финансовой поддержкой Москвы и формирующейся харизмой нового вождя, открыли для страны возможность обретения политического единства» (С. 339).

Книга А. Г. Юркевича, несомненно, вызовет большой интерес китайцев, всех интересующихся новейшей историей Китая. И этот интерес — заслуженный. Насыщенная богатым материалом и написанная ярким, образным языком, она надолго останется той высокой научной планкой, на которую будет равняться не одно поколение китайцев.

© 2015

*А. Панцов,
доктор исторических наук*

1. См., например: Chang Jung, Halliday Jon. Mao: The Unknown Story. London, 2005. P. 312.

Сложности внутреннего и внешнего развития Китая сквозь призму европейского восприятия The quandaries of China's domestic and foreign development / Edited by D. Mierzejewski. Lodz: Lodz University Press, 2014. 281 p.

Одним из наиболее ярких явлений мирохозяйственных и политических процессов в XXI в. стало возвышение Китая, проявляющееся как в стремительном росте комплексной национальной мощи этого крупнейшего восточноазиатского государства, так и в расширении географии его национальных интересов и увеличении международного влияния. Возрастающая вовлеченность Китая в региональные и международные дела не могла не привлечь внимание одного из ведущих центров изучения Восточной Азии в Польше — Факультета восточноазиатских исследований Лодзинского университета. В сотрудничестве с коллегами из других польских университетов и научно-исследовательских центров Китая, Японии, Чехии, Венгрии, Финляндии и Италии Факультет восточноазиатских исследований Лодзинского университета подготовил специализированный сборник статей «Сложности внутреннего и внешнего развития Китая».

Для российских китайистов этот сборник может быть интересен в первую очередь

тем, что позволяет познакомиться с существующими в польском академическом сообществе оценками современного развития КНР и наиболее серьезных вызовов, с которыми китайское руководство сталкивается в процессе расширения внешнеполитической деятельности. В сборнике представлены работы исследователей многих университетов Польши: Лодзинского, Ягеллонского, Варшавского, университета Вроцлава и Варшавской школы экономики.

Безусловно, данный сборник не может претендовать на отражение всех вызовов и тенденций внутреннего и внешнего развития Китая. Несмотря на название сборника, большая часть содержащихся в нем статей посвящена внешнеполитической проблематике. Анализ внутренних аспектов развития КНР представлен всего двумя сюжетами: концептуализацией роли женщин в коррупционных скандалах в КНР (Ван Ци, университет Южной Дании и Минь Дунчао, университет Шанхая) и комплексным анализом системы регистрации жителей или домохозяйств по месту жительства

«хукоу» в современном Китае (Сунь Цзябао, Лондонский колледж).

Вместе с тем, вопросы места и роли Китая в глобальных и региональных политико-экономических процессах, анализ внешнеполитической активности Пекина представлены в рецензируемом сборнике достаточно широко. В фокусе внимания авторского коллектива оказались такие вопросы, как анализ современной внешнеполитической доктрины КНР, отношения Китая с Россией, США, Европой, тропической Африкой, Центральной Азией, АСЕАН.

Выявлению особенностей внешнеполитической доктрины современного Китая и его международной идентичности посвящены статьи Б. Оннис (Университет Кальяри, Италия) и Д. Межеевского (Лодзинский университет, Польша).

Б. Оннис, в частности, оценивает возможность пересмотра китайским руководством таких базовых внешнеполитических принципов КНР, как занятие сдержанной позиции на международной арене и политика невмешательства во внутренние дела других государств. Рассматривая отказ от принципа невмешательства во внутренние дела других государств в качестве неперемennого условия становления Китая в качестве «ответственной крупной державы», способной играть конструктивную роль в современной международной системе, автор статьи выделяет ряд препятствий на пути кардинальной переоценки этого базового внешнеполитического принципа КНР: отсутствие ресурсов и средств, ограниченность возможностей Китая проецировать свою «жесткую» силу в мире и защищать свои национальные интересы за рубежом; потенциальная опасность потери привлекательности Китая для развивающихся государств в случае отказа от принципа невмешательства в пользу интервенционализма, утрата рычага противопоставления себя странам Запада, которые навязывают свои условия и рецепты экономического процветания; низкий уровень институциональной координации в процессе реализации китайской внешней политики (С. 51–52).

К важному вопросу самоидентификации Китая после мирового финансово-экономического кризиса обращается Д. Межеевский. Становление Китая в качестве второй мировой экономики в 2010 г. вызвало диссонанс с его статусом развивающегося государства. С одной стороны, как государство, идущее в авангарде развивающихся стран, «сильнейшее среди слабейших», Китай призван защищать интересы развивающегося мира, способствовать становлению

равенства и справедливости в глобальном экономическом управлении. Однако как экономически мощная держава, прочно интегрировавшаяся в существующую международную экономическую систему и в этом смысле зависимая от нее, Китай объективно сталкивается с необходимостью поддержания исповедуемых Западом принципа мультилатерализма в международной торговле и либеральных ценностей свободного рынка (С. 71–72). В своей работе Д. Межеевский также предпринимает попытку выявления существа «китайской модели развития» и приходит к спорному выводу о том, что на современном этапе для Китая капитализм является более привлекательным, чем социализм (С. 71).

О перспективах распространения на африканском континенте «Пекинского консенсуса» как альтернативы дискредитированному себя «Вашингтонскому консенсусу» речь идет в материале М. Риго (Будапештский университет Корвинус, Венгрия). Руководствуясь исследовательской задачей оценить китайское присутствие в Африке с точки зрения удовлетворения интересов развития этого региона, автор прибегает к методу «предметного изучения», анализируя экономическую экспансию Китая в Нигерии и Замбии. Признавая позитивные стороны китайского присутствия в указанных странах и отмечая реализацию Китаем инфраструктурных проектов, отвечающих интересам африканских государств, М. Риго, вместе с тем, указывает, что развитие государств нельзя связывать исключительно с экономическим ростом и в этой связи выделяет отрицательные стороны китайской экспансии. Автор выражает надежду на приход таких времен, когда африканский континент будет свободен от влияния как Запада, так и Китая.

В фокусе внимания М. Лубина (Ягеллонский университет, Польша) оказывается углубляющаяся с 2008 г. в пользу Китая асимметрия в российско-китайских отношениях, заключающаяся не только в экономическом и ином превосходстве КНР над Россией, но и в том, что первостепенная значимость развития сотрудничества с Пекином диссонирует для Москвы с «второстепенностью» (по мнению автора) развития отношений с Россией во внешнеполитических приоритетах Пекина (С. 96–97). Основной посыл автора в том, что современная асимметрия отнюдь не представляет собой аномалию для российско-китайских отношений, а напротив — является *modus operandi*, современной, модифицированной версией изначально сложившейся в российско-китайских отношениях с XVII в. «синоцентричной» модели ассиметричного взаимодействия («Нерчинско-Кяхтинская

модель»), просуществовавшей вплоть до середины XIX в. Аргументируя тезис о стабильности и обоюдовыгодности (как для Китая, так и для России) подобной асимметричной модели в XVII — середине XIX вв., автор проецирует характеристики этой модели на современную ситуацию в российско-китайских отношениях.

Содержащийся в рецензируемом сборнике анализ внешних вызовов, с которыми сталкивается современный Китай, был бы неполным без обращения к американскому «повороту к Азии», который обозначился в деятельности администрации Б.Обамы в 2009 г. и в полной мере проявился в американской внешней политике с 2011 г. Этому весьма популярному ныне в экспертной среде сюжету посвящен материал П. Фургач (Ягеллонский университет, Польша). Концентрируясь преимущественно на военных аспектах «возвращения» США в Азию, автор приходит к выводам о постепенном сокращении технологического отставания китайских вооруженных сил от американских, о долговременном характере политики вашингтонского «поворота к Азии», об отношении к ней китайского руководства как к очередному шагу США, направленному на сдерживание Китая (С. 119).

Широкое отражение в рецензируемом сборнике получила проблематика взаимодействия Китая со странами АСЕАН и, в частности, территориальные споры в Южно-Китайском море. Й. Добковска (Варшавский университет, Польша) на основании изучения стратегий каждой из стран Юго-Восточной Азии в отношении Китая определяет общую линию АСЕАН применительно к Пекину как «хеджирование» (hedging). Янн Кристоф фон дер Пюттен (Университет Тампере, Финляндия), опираясь на обширный эмпирический материал интервью с индонезийскими дипломатами, парламентариями и советниками в области внешней политики, собранный автором в ходе полевых исследований в Джакарте и Бандунге, обращается к анализу восприятия Индонезией Китая как государства, способного стать причиной раскола АСЕАН. В. Маккеннайте (Университет Кэйо, Япония) рассматривает территориальные споры между Китаем и группой стран Юго-Восточной Азии через призму противоборства сторон за крупные рыбопромысловые районы, располагающиеся в этой акватории. В сборнике рассмотрены и другие территориальные противоречия в Восточной Азии, достигшие в последние несколько лет стадии серьезного обострения, в частности, между Китаем и Японией относительно принадлежности островов Дяоюйдао/Сэнкаку (М. Ващинский, Лодзинский университет, Польша).

И, наконец, европейские исследователи не могли обойти вниманием вопросы, связанные с современным развитием отношений Китая с Европой. А. Врубель (Варшавский университет, Польша) характеризует новую торговую политику ЕС, основанную на повышении роли двусторонних торговых соглашений, в отношении Восточной Азии и крупнейших восточноазиатских экономик — Южной Кореи, Японии и Китая. Т. Каминьский (Лодзинский университет, Польша) предпринимает попытку оценить влияние феномена возвышения Китая на процесс выработки Европейским Союзом всеобъемлющей «большой стратегии», призванной обозначить инструментарий для ответа на происходящие на международной арене изменения. Демонстрируя наличие некоторых объединяющих черт в стратегическом видении Китая и ЕС, Т. Каминьский все же характеризует Китай как самый большой вызов для ЕС как в экономической, так и в политической плоскостях. Однако это не приводит автора к алармистским выводам. Напротив, Т. Каминьский призывает признать усилившуюся роль Китая в мире и в качестве основы европейской стратегии использовать развитие сотрудничества и вовлечения Пекина (С. 149–150).

Выявлению китайской стратегии в Центральной Европе, отношения с которой на европейском пространстве у Пекина традиционно были менее развитыми, посвящена статья исследователей Масарикова университета (Чехия). В фокусе внимания чешских специалистов оказывается вопрос китайского восприятия региона Центральной Европа как единой общности: географической, политической, исторической и культурной. Весьма специфическая для российского научного дискурса тематика раскрывается в совместной статье П. Матуш-Протасевич и Й. Райца (университет Вроцлава, Польша) «Азиатские прямые иностранные инвестиции в Нижней Силезии и миграционные потоки в регионе».

Без внимания не осталась и тематика «Новой большой игры» в постсоветской Центральной Азии как понятия, введенного в научный оборот для объяснения отношений, складывающихся между крупнейшими державами в регионе (Россией, США и Китаем), по аналогии с «большой игрой» между Российской и Британской империями за контроль над Центральной Азией на рубеже XIX—XX вв. Сравнивая стратегии России, США и Китая по расширению присутствия в постсоветской Центральной Азии, К. Козловский (Варшавская школа экономики, Польша) называет Пекин в качестве наиболее преуспевшего игрока в дан-

ном регионе. Опора Пекина на развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с акцентом на экономическое взаимодействие оказалась самой эффективной стратегией, направленной на усиление политических позиций в Центральной Азии (С. 202).

В заключение обзора сборника стоит отметить, что некоторые идеи и выводы авторского коллектива не являются бесспорными и требуют уточнения. Наличие таких спорных моментов, вместе с тем, имеет и положительную сторону, как бы приглашая читателя сбор-

ника к научной дискуссии. Представляется, что в ряду обильной научной и публицистической литературы, выпускаемой по тем или иным аспектам внутреннего и внешнего развития современного Китая, данный сборник действительно заслуживает внимания со стороны российского академического сообщества: полемизируя или, напротив, развивая глубже и шире высказанные его авторским коллективом идеи, отечественные исследователи возможно откроют для себя новые нюансы в осмыслении расширяющейся роли Китая в мире.

© 2015

*Я. Лексютина,
доктор политических наук*

Восточноазиатское стратегическое обозрение 2014 [East Asian Strategic Review 2014. Tokyo: The National Institute for Defense Studies, 2014, 359 p.]

Будучи тихоокеанской державой, Россия во многом связывает свое будущее развитие с Азиатско-Тихоокеанским регионом, который превращается в мировой политический и экономический центр. Перед Восточной Сибирью и Дальним Востоком стоит задача включения в процессы АТР, поэтому комплексное изучение региональной ситуации актуально для нашей страны, и книги, подобные «Восточноазиатскому стратегическому обозрению 2014», заинтересуют российскую аудиторию.

Данное издание — ежегодный обзор, составляемый группой экспертов японского Национального института оборонных исследований. Здесь содержится анализ ситуации в сфере безопасности в Восточной Азии, а также вызовов, с которыми столкнулись страны региона в период с января по декабрь 2013 года. Представлены факторы, которые, по мнению авторов, смогут влиять на безопасность на региональном или глобальном уровне в среднесрочной или долгосрочной перспективе.

Важно и то, что данная работа издана как на японском, так и на английском языках, то есть доступна для широкой международной аудитории. Ознакомление с ней, как надеются авторы, создаст почву для возникновения активных дискуссий, для работы живой научной мысли и в конечном счете способствует более полному и объективному пониманию процессов, происходящих в регионе Восточной Азии.

Книга состоит из резюме, введения и девяти глав, отражающих различные аспекты и проблемы в области безопасности в АТР в

2013 г. Каждая из первых семи глав посвящена отдельной стране или субрегиону и содержит анализ значимых с точки зрения безопасности аспектов внутренней и внешней политики данных государств. Главы 8 и 9 носят тематический характер и рассматривают вопросы глобальной повестки дня, привлекавшие внимание международного сообщества в последние годы. Работа написана с однозначно прояпонских позиций и дает неплохое представление об оценках и подходах Токио к тем или иным процессам и событиям в Восточной Азии.

2013 год был отмечен динамичным изменением среды безопасности в Восточной Азии, возникновением трений и противоречий среди основных государств. Напряженная ситуация в регионе обусловлена, по мнению авторов, по крайней мере четырьмя факторами. Во-первых, это ситуация в Северной Корее (КНДР), где развитие ядерных технологий в купе с укреплением единоличной власти Ким Чен Ына затрудняют прогноз внутриполитической эволюции и поведения Пхеньяна на международной арене. Во-вторых, это растущие масштабы активности Китая в регионе, дающие повод для беспокойства Японии и другим государствам и вынуждающие их принимать ответные меры. Третий фактор — напряженность и противостояние между основными державами региона, которые можно рассматривать как результат уникальной внутриполитической обстановки в каждой из стран и подъема национализма. Четвертый фактор дестабилизации ситуации авторы определяют как существование «дилеммы безопасности» в реги-